

⁹ См.: В а и л е у с. In editione - Lucretius, p. 606.

¹⁰ Д. Клей указывает, что единство идеи, выраженной в данном контексте, подтверждается употреблением в последующем стихе местоимения *cuius* (I, 149). См.: С l a у D. De regum natura: Greek physics and Epicurean physiologia (Lucretius, I, I-148), p. 47.

II Ibidem.

¹² Эта интерпретация согласуется с толкованиями этого сочетания в русском и английском переводах поэмы Лукреция: "... но природа сама своим видом и внутренним строем" (пер. Ф.А. Петровского) и "... the outer view and inner law of nature" (пер. С. Bailey - I, 148; II, 61; III, 93; VI, 41). Подтверждается данное толкование и употреблением в поэме сочетания *ratio ... speciesque* применительно к небесным явлениям, внешнюю и внутреннюю сущность которых стремится изложить Лукреций: *est ratio caeli speciesque tenenda* (VI, 83).

¹³ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 169.

¹⁴ См.: Д о с е в А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979, с. 280.

¹⁵ Об иной оценке натурфилософской позиции Лукреция см.: Д о с е в А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм, с. 280-281.

В.С. Дуров

ЖАНР МЕНИППЕМ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВАРРОНА-САТИРИКА

Из многочисленных литературных жанров, усвоенных римлянами у греков, особенно прижились в Риме те, которые были созданы в среде кирических и стоических философов.¹ К их числу принадлежит греческая мениппея, имеющая своим источником

философский диалог и названная от имени философа III в. до н.э. Мениппа, придавшего ему классическую форму.

О Мениппе подробнее других сообщает Диоген Лаэртский (VI, 99-101). Киник Менипп был финикиец и раб по положению. Став гражданином Фив, он занялся ростовщичеством, накопил большое богатство, но в конце концов разорился и, впав в отчаяние, покончил с собой. Его сочинения были полны смеха (πολλοὶ καταγέλαστος γέμετ). Представление о внешнем облике Мениппа можно составить на основании диалогов Лукиана: "...старый, лысый, плащ на нем весь в дырах, открытый для всех ветров, пестрый от разноцветных заплат; он постоянно смеется и чаще всего вышучивает этих лгунов-философов" (Dial. mort., I, 1). Менипп, как он изображен Лукианом, "имел обыкновение кусать, всякий раз когда он смеялся" (γελάων ἀνα ἔδακνευεν — Via asc., 33). С резкостью, присущей киникам, он высмеивает не только философов; ни одна человеческая слабость не ускользает из его поля зрения, вся человеческая жизнь становится объектом его язвительного смеха. Жители земли представляются ему бестолковым и нестройным хором, где каждый участник вместо того, чтобы тянуть общую стройную мелодию, из соперничества и желания выделиться стремится во что бы то ни стало перекричать своего соседа (Lucian., Icarom., 17).

Все сочинения Мениппа для нас утрачены, об их характере мы можем судить лишь по отзывам позднейших писателей и на основании некоторых произведений Лукиана.

Характеристика стиля Мениппа, который нарушил все привычные нормы, дана в диалоге Лукиана "Дважды обвиненный", где олицетворенный Диалог обвиняет Лукиана в том, что он где-то выкопал и натравил на него какого-то Мениппа, из числа киников, и вот благодаря ему, он, Диалог, доведен до странной смеся из стихов и прозы; каждому, кто слушает его, он представляется подобием Кентавра, каким-то непривычным соединением (33). Вероятно, Менипп стал первым широко вставлять в прозу стихи. Как правило, это были цитаты из Гомера и Еврипида.² Иногда Менипп пародировал, иногда оставлял стихи без изменений, но всегда употреблял их в комических целях.

Основателем школы киников был Антисфен (V - IV вв. до н.э.). Из учеников "Истинного Пса", как себя называл Антисфен (Diog. Laert., VI, I, 13), выделяется Диоген из Синопя, который своим учением и примером захватил Кратета из Фив. Диоген Лаэртский перечисляет сочинения Кратета и приводит его шуточные стихи, начало которых - подражание "Одиссее" Гомера (Diog. Laert., VI, 5, 85). Насколько нам известно, Кратет, первым из киников начав цитировать и пародировать известных поэтов, обратил внимание на ценность поэтической формы в философском осуждении.³

Огромное значение для формирования жанра мениппеи имела популярно-философская диатриба, создателем которой считается Бион из Борисфена на Днепре, одно время бывший слушателем Кратета. Бион "умел производить впечатление на зрителей и поднимать на смех что угодно, не жалея грубых слов. За то, что его речь была смешана из выражений разного стиля, Эратосфен, по преданию, сказал, что Бион первый нарядил философию в лоскутное одеяние. Был он также искусником в пародии; таковы его строки:

О нежнейший Архит, лирородный, блаженный во чванстве,
Ты, в мастерстве пререканий из всех искуснейший смертных.⁴

Бион учил, что такое добродетель и каким путем можно достичь счастья; попутно он критиковал человеческие пороки (например, любовь к богатству, религиозные предрассудки). Высмеивая глупость людей в достижении призрачных благ, он, чтобы вызвать смех и привлечь к себе внимание, использует едкую мудрость киников и шутку.⁵

Надо полагать, популярно-философская диатриба Биона оказала значительное влияние на Мениппа и его литературную деятельность. Это не удивительно: оба философа, будучи горячими проповедниками общей кинической морали, в своей практике пользовались сходными литературными приемами для популяризации разумного и обличения неразумного, с их точки зрения, образа жизни.⁶ В какой-то период становления обоих жанров диатриба Биона сближается и, возможно, даже смыкается с мениппеей.

Дальнейшее развитие диатрибы и мениппеи приведет к заметному их размежеванию: в диатрибе станет преобладать поучительная струя, в мениппее — сатирическая.⁷ В диатрибе упор делается преимущественно на поучение; ее задача показать, как следует жить, поэтому для диатрибы положительный идеал имеет первостепенное значение. В мениппее, по всей вероятности, акцент ставился на показе отрицательных сторон человеческой жизни, на их осмеянии; здесь явная тенденция от дурного к хорошему, от глупого к разумному, от заблуждения к истине. Если диатриба обратится за новыми техническими средствами к риторике и новой комедии, то мениппея возьмет себе за образец древнюю комедию с ее необузданно-смеховой основой.

Хотя Менипп и придал жанру мениппеи классическую форму, все же следует допускать, что нечто подобное уже писали Антисфен и Кратет. Их насмешки над всеми условностями, над религиозными предрассудками, проповедь естественности и простоты просматриваются и в сочинениях их учеников и последователей — Биона, Телета, Мениппа. Кратет, вероятно, первым из киников начал цитировать и пародировать поэтов, создав тем самым предпосылки для появления характерной для мениппеи смеси из прозы и стихов. Бيون, подхватив это новшество, пересыпал свои диатрибы смехом и шуткой, то едкой, то грубой и непристойной, используя при этом различные стили речи. И наконец — мениппея с художественной установкой на предельный комизм и юмор, где дерзкая пародия соседствует с самой едкой иронией, где свободно чередуются различные стили, как следствие сочетания серьезного и смешного, стихов и прозы, положительного и отрицательного, конкретного и абстрактного, мениппея, дающая простор для самой широкой сатирической фантазии. Ближайшим подражателем Мениппа был его соотечественник, поэт Меллагр из Гадар (II—I вв. до н.э.), который в двух автоэпитафиях писал о своем увлечении "Менипповыми Харитами".⁸

В Риме, взяв за образец Мениппа, писал сатиры Марк Теренций Варрон Раатинский (II в. до н.э.). Римский грамматик I в. н.э. Марк Валерий Проб в комментарии к Вергилию пишет: "Варрон ... был назван Мениппейским не по имени учителя, жив-

шего гораздо раньше, но по сходству таланта, потому что он придал своим сатурам отделку разнообразием стихотворений" (ad. Verg., eol. VI, 31). Среди многочисленных трудов Варрона есть сочинение под названием *Saturae menippeae*, состоящее, по свидетельству Иеронима, из 150 книг, от которых до нас дошли лишь 90 названий и 591 фрагмент. Фрагменты в большинстве своем очень краткие, что делает всякую реконструкцию сатир весьма проблематичной, прежде всего из-за невозможности установить порядок последовательности фрагментов.

Если верить Цицерону, современнику и другу Варрона, "менипповы сатуры" были начаты Варроном в юношеском возрасте. В трактате "Учение академиков", написанном в июле 45 г., Цицерон вкладывает в уста самого Варрона такие слова (I, 2, 8): "Однако в тех давнишних моих сочинениях, которые я, подражая Мениппу, но не переводя его, спрыснул известной долей веселости, чтобы их легче могли понять люди не слишком ученые, привлеченные к чтению некоторой приятностью, много применено из самых глубин философии, многое сказано в форме рассуждения ..."⁹ Приведенное свидетельство Цицерона исключает литературный перевод, но подтверждает имитацию, которая в ряде случаев могла вырваться в повторении в более или менее объясненном виде греческого образца.

О своей зависимости от Мениппа объявляет сам Варрон в "Testamentum" (fr. 542): ... *ε μενα φιλοσοφία πατρίσ, quae Menippeae haeresis nutrita est, tutores do "qui rem Romanam latiumque augescere vultis"* ('... детям, рожденным моей любовью к элословию, которых воспитала школа Мениппа, я даю как опекунов вас, "которые хотят возвеличить римское государство и Лациум').¹⁰

Назвав свой сборник *Saturae menippeae*,¹¹ Варрон тем самым указал на свой связь с римским сатириком II в. до н.э. Луцилием и вместе с тем на отличие от него. Квинтилиан в той части своего сочинения "Воспитание оратора", где он перечисляет заслуги римских писателей в создании отечественной литературы, касаясь жанра сатиры и назвав имена Луцилия, Горация,

Персия, продолжает: "Другой известный род сатуры, даже более древний, но состоящий не только в соединении различных стихотворений, создан Теренцием Варроном, самым ученым человеком из римлян" (X, I, 95). Квинтилиан указывает здесь на ранний труд Варрона "Менипповы сатуры", написанные смесью прозы и стихов различного размера. Следует, однако, допустить, что Варрон взял у Мениппа не только названия для своих сатир и использование смеси прозы и стихов.¹²

Связь с Мениппом и школой киников выражена в названиях сатир (Cyniois, Ἰπποκρίτων, Κυνοβασανάλια, Κυνορῆτων, Ταφὴ Μενίππου, Ὑβρισμῶν), в бесчисленных намеках в самих сатирах (фр. 281, 314, 469, 542 и др.), а также в форме, мотивах и содержании. В "Менипповых сатурах" Варрон имеет своей целью развлечь и вместе с тем принести пользу людям, т.е., смеясь, говорить серьезные вещи, призвать людей к размышлению о подлинных ценностях жизни.

В мениппеях Варрона повсюду разбросаны кинические мысли о необходимости жить согласно природе, об освобождении от всех страстей и желаний, о достижении добродетели через усилие и труд. Однако несмотря на множество общих элементов как в форме, так и в содержании, труд Варрона в корне отличается от своего греческого образца. Это и понятно. Римский аристократ и консерватор не мог разделять полностью доктрину философ-киников. Между Мениппом и Варроном нет ничего общего ни в общественном положении, ни в образе жизни, ни в конечных целях. Менипп - бывший раб, человек без родины, космополит, порвавший все связи с обществом и смеющийся над ним. Варрон - человек, который без оговорок принимает государство (фр. 235), гражданскую общность (фр. 507), культ богов (фр. 265), законы (фр. 264), древние обычаи (фр. 303), семью (фр. 238), обязанности по отношению к друзьям. Как и Менипп, Варрон критически относится к своему времени, прославляя простую и естественную жизнь предков, но он далек от отрицания государственных установлений и традиционных богов. Критика Варрона не простиралась дальше нападков на культы иноземных богов, вносящих в устоявшуюся систему государственных и религиозных установлений Римской

республики неразбериху и беспорядок. Киничекий философ призывает освободиться от всего лишнего и, отвергнув всякую культуру, обычаи и условности, жить согласно природе. Варрон же побуждает к следующему (фр. 265): *Oporetet bonum civem legibus parere, deos colere, in patellam dare μικρὸν κρέας* 'Хорошему гражданину следует повиноваться законам, почитать богов, в жертвенную чашу класть немного мяса'. Повседневной нормой у Варрона является жизнь римских предков (*mos maiorum*). Таким образом, киническую идею, предлагавшую следовать во всем природе, Варрон заменил принципом жизни, согласно которому высшим образом для подражания становится простая и скромная жизнь дедов и прадедов.¹³ Ко многим поучениям Варрона приложены в качестве рефрена его же слова (фр. 320) *ut quondam patres nostri loquebantur* 'как говаривали некогда наши отцы'.

Ностальгия по прошлому римского народа ничуть не препятствовала, а даже способствовала нападкам на современную Варрону действительность, правда, всегда далеким от указания на конкретных исторических личностей, о чем заявляет сам сатирик (фр. 90). С горьким сарказмом он констатирует, что римская суровость теперь погибла, и на ее место пришли нечестие, невежество, развращенность (фр. 495), римский форум превратился в свинарник, а люди - в свиней (фр. 435), судьи продажны (фр. 498, 499), всюду правят одна лишь корысть, политические должности покупаются теперь за деньги (фр. 497). Предки же вели скромную жизнь и мало заботились о своей наружности: древний римлянин брился один раз в неделю (фр. 186). Женщины прекрасных древних времен, прядя шерсть, время от времени посматривали на кастрюли (фр. 190), и ни одна из них не считала непомерным трудом рожать детей (фр. 189), в то время как сейчас они домогаются от мужей драгоценных камней (фр. 283) и даже ходят на охоту в непристойном одеянии (фр. 301). В сатиру "Похороны Мениппа" Варрон делает горькое заключение (фр. 537): "Если бы Нума Помпилий был свидетелем этих дел, он констатировал бы, что от его установлений не осталось даже тени".

В соответствии с такой концепцией Варрон часто пользуется в своей критике приемом противопоставления настоящего прош-

лему с последующим моралистическим резюме. На контрасте настоящего и прошедшего полностью написана, например, сатира "Sexagesis" ("Шестьдесят ассов"); она содержит рассказ некоего Эпименида, который, заснув в десятилетнем возрасте, оставался в летаргии пятьдесят лет, и, проснувшись шестидесятилетним стариком, возвращается в Рим, где находит все изменившимся в худшую сторону. Здесь важно отметить то, что героем сатиры, новым Эпименидом,¹⁴ является именно римлянин, оценивающий новые условия жизни с точки зрения не некоего абстрактного идеала, но предков; причем герой выступает не как моралист вообще, а как римский патриот, думающий о судьбе своего отечества.

Для мениппеи характерен мотив *κατάσμος*, когда наблюдатель человеческих дел обзирает их с какой-нибудь необычной точки зрения, например с высоты, при которой меняются все масштабы, как в "Икармениппе" Лукиана, где герой, попав на луну, разглядывает землю. Этот мотив встречается и в сатирах Варрона; в "Эндимоне", например, герой увидел дела людей с луны, о чем рассказывает собеседникам на пиру. С высоты отчетливо видны человеческие пороки, и луна — удобное место, чтобы рассмотреть спектакль человеческой жизни (фр. 218). Так, в сатире "Marsipor" герой совершает путешествие на небо. Эффект видения сверху объясняется в сатире *Γυαθὶ σεαυτόν* (фр. 209): "Разве ты не замечаешь, как рыбаки, когда они хотят в море увидеть тунцов, взбираются на высокую мачту, чтобы разглядеть через воду рыбу?"

Вслед за киническими проповедниками Варрон использует в своих мениппеях обращение к слушателю и читателю от лица автора. Часто встречаются обращения типа: *orede mihi* ("верь мне"), *non vides?* ("разве ты не видишь?") и т.п. Есть сатиры, где Варрон сам выступает в роли действующего лица, например в "Sexagesis", "Bimarcus", "Pameno" и ряде других.

Но все же характерной чертой, объединяющей сатиры Варрона и греческие мениппеи, была смешанная форма, состоящая из прозы и стихов. У Мениппа основа была, вероятно, прозаическая, а стихи служили украшением и для комического эффекта. Что каса-

ется мениппеи Варрона, то по причине скудности дошедших до нас фрагментов сейчас трудно сказать, какое место занимали в них стихи и проза. По всей вероятности, проза также составляла в них основу, а поэтические куски оживляли прозу¹⁵ — в виде цитат, буквальных или пародированных из поэтов-эпиков и трагиков, как греческих, так и латинских.

В поэтических частях можно видеть богатое разнообразие стихотворных размеров, около 20, так что можно предполагать, что многие из них впервые ввел в римскую литературу сам Варрон. Полиметрия Варрона основательно превзошла свою греческую модель. Менипп использовал только гекзаметр, может быть, что, впрочем, недоказуемо, ямбический триметр. По наблюдению ученых, Варрон с большим искусством и виртуозностью использовал тот или иной стихотворный размер. Так, поэтические отрывки в ямбических и трохеических тетраметрах часто переходят в диалогические части, этим размером легко может быть придана комическая интонация; анапестические диметры звучат в трагедийном духе, в них слышится также военный ритм; галлиямбы хороши в рассказе о необузданных восточных кудях.¹⁶

Помимо смеси прозы и стихов, заимствованной Варроном у Мениппа, для его "менипповых сатур" характерна также пестрая смесь латинских и греческих слов, которой он обязан римскому поэту Луцилию. Замечено, что в сатирах Варрона греческие слова и выражения употребляются так, как они обычно используются в разговорном языке. Этой своеобразной варроновской прозе, представленной в сатирах по образцу Мениппа, присущи свежесть, остроумие и экспрессивность.¹⁷ Впрочем, Варрон во всех своих произведениях, дошедших до нас, предстает как писатель небрежный в отношении литературного языка. Квинтилиан, восхваляя Варрона, признает, однако, что он "принесет больше пользы науке, чем красноречию" ("Воспитание оратора" X, I, 95).¹⁸

Однако не следует забывать, что Варрон вообще не заботился о литературной форме своих произведений из уважения ли к киническим предписаниям, согласно которым литература должна служить исключительно нравственным целям, или потому, что таким образом добивался своего собственного стиля. Впрочем,

Варрон уже имел перед своими глазами образец неряшливого стиля, представленного в сатирах Луцилия, сурово осужденного Горацием.¹⁹ Варрон мог сознательно противопоставлять безыскусственность своего стиля чрезмерно изысканной современной литературе с ее ориентацией на азиатское красноречие и поэтическим экспериментаторством неостериков. Варрон — мастер всяческих противопоставлений и, противопоставляя свой нарочито неряшливый стиль изощренному стилю авторов-современников, воспитанных в школах греческого красноречия, он следует своим взглядам на нравственность и литературу, перекликаясь с известным призывом Катона *rem tene, verba sequentur* ("знай то, о чем будешь говорить, слова придут"). Варрону нравится не только жизнь предков, но и их бесхитрый способ выражать свои мысли, который он готов взять за образец в своих мениппеях (фр. 63): *Avi et atavi nostri, cum alium ac sepe eorum clement, tamen optime animati erant* "Деда и прадеда наши, хотя от их слов и разило чесноком и луком, были, однако, в высшей степени мужественными людьми".

Вопреки сложившемуся обыкновению, приступая к стихам, призывать себе на помощь поэтическую Музу, Варрон полагается лишь на свои собственные силы, шутиво приводя в пример некоего Квинтипора Клодия, который без содействия какой-либо Музы сложил много комедий: "Неужели же я, — спрашивает сатирик, — не смогу "смастерить", как говорит Эний, одну книжонку?" (фр. 59). Для Варрона гораздо важнее, что сказать и в наименьшей степени, как сказать.

Таким образом, кинизм Мениппа стал для Варрона литературным приемом, удобным не только для высмеивания различных философских школ и догматов, но и для порицания нравственных пороков общества и проповеди положительного идеала, каким представлялась Варрону жизнь предков.

Примечания

¹⁹ *William G. Tradition and originality in Roman poetry. Oxford, 1968, p. 445-446.*

² Помяловский И. Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатира. СПб., 1869, с. 173.

³ В греческой литературе, вероятно, уже были попытки такого рода: можно указать на Тимона из Флиунта (IV-III вв. до н.э.), поэта-скептика, автора трех книг стихов — "Силл", в которых едкая сатира на философов часто имеет форму пародии. См.: *Terzaghi N. Per la storia della satira. 2 ed. Messina, 1944, p. 72-73.*

⁴ *Diog. Laert. IV, 7, 52* (пер. М.Л. Гаспарова). В кн.: Дюгелн Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

⁵ Свою классическую форму жанр греческой диатрибы приобрел в творчестве Телета, автора III в. до н.э., подражавшего Биону. Его диатрибы представляют собой рассуждения по различным житейским вопросам в духе кинической морали. Дань диатрибе отдал и Филодем из Гадар (I в. до н.э.), но от его сатир почти ничего не сохранилось.

⁶ Подробнее о диатрибе см.: *Oltrogge A. Les origines de la diatribe romaine. Genève, 1926; Terzaghi N. Per la storia della satira, p. 7-98; Nighet G. The anatomy of satire. Princeton, 1962, p. 24-66; Schmidt E.G. Diatribe und Satire. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, 1966, Bd. XV, Hft 4/5, S. 507-515.*

⁷ Диатриба всегда развивалась в орбите мениппеи, переплеталась с ней и проникала в нее (особенно на римской и раннехристианской почве). — См.: Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979, с. 138.

⁸ *Anthologia Palatina, VII, 417, 3 и 418, 6.*

⁹ О Варроне-сатирике кроме указанной книги И. Помяловского см.: Тарасов Л.Д. М.Т. Варрон Реатинский как сатирик. — Тр. Томск. гос. ун-та, 1957, т. 139, с. 281-314, и краткий очерк И.П. Стельниковой в кн.: Античный роман. М., 1969, с. 266-272.

10 Латинский текст "Менипповых сатур" Варрона приводится по изд.: P e t r o n i i Saturae et Liber priapeorum. Adiectae sunt Varronis et Senecae Saturae similisque reliquiae / Quartum edidit Fr. Buecheler. Berolini, 1904.

11 Это название засвидетельствовано Авлом Геллием (II в. н.э.). Сообщая о рабах, ставших впоследствии знаменитыми философами, Геллий говорит: «Из них особенно замечателен Менипп, сочинениям которого подражал Марк Варрон в своих сатурах, сам он называл их "Менипповыми", а другие — "киническими"» ("Аттические ночи", 2, 18, 7).

12 Убеждение в том, что Варрона с Мениппом объединяло нечто большее, чем внешняя смесь прозы и стихов, звучит в ряде статей итальянской исследовательницы Марии Саланитро; см., например: S a l a n i t r o M. Varrone poeta satirico. — Cultura e Scuola, 1978, N 66, p. 62.

13 К н о о х е U. Die römische Satire. 3. Aufl. Göttingen, 1971, S. 38.

14 Прототипом варроновского Эпименида был греческий философ и поэт VI в. до н.э. Эпименид. Диоген Лаэртский рассказывает, что, будучи послан отцом за пропавшей овцой, Эпименид свернул с дороги и прилег в роде, где проспал пятьдесят семь лет (1, 10, 109).

15 Иначе считает А. Марцуппо: Варрон присоединил к стихам прозу, чтобы придать мениппеям большую естественность и разговорный характер. См.: M a r z u l l o A. Le Satire Menippeae di M. Terenzio Varrone la Commedia arcaica e i Sermones. Modena, 1958, p. 69.

16 В о л i s a n i E. Varrone Menippeae. Padova, 1936, p. XLIII-XLIV.

17 F r a n c e s c o Della Corte. Varrone il terzo grande romanzo. Genova, 1954, p. 49-50.

18 plus tamen scientiae collaturus quam eloquentiae. Немецкий ученый Э. Норден относительно варроновского сочинения

De Lingua Latina сказал, что оно было написано в наихудшем стиле, который когда-либо появился в прозаическом произведении; N o r d e n E. Die antike Kunstprosa. Leipzig, 1898, Bd. I, S. 194.

19 "Сатиры", I, 4, ст. 8-13; IO, ст. I, 50, 57, 60-61, 67-70.

Л.С. Мокробородова

ЛУЦИЛИЙ В ОЦЕНКЕ ГОРАЦИЯ (к проблеме преемственности)

Незаурядный талант и своеобразие личности Гая Луцилия, основоположника римской сатиры, сделали его одним из самых читаемых авторов в Риме и определили разноречивость мнений о его поэзии в античной традиции. Так, разносторонние наблюдения Горация над поэзией своего предшественника вылились в его сатирах в обилие критических замечаний, упреков в адрес Луцилия. Цицерон же находил у Луцилия утонченность стиля, остроумие, даже цитировал фрагменты его сатир как образец для подражания. Особенно возмущала несправедливая критика в адрес Луцилия грамматика Квинтилиана, который высоко ценил его поэзию.

Принимая во внимание эту противоречивость оценок античной традиции, исследователь творчества Горация Н. Радд предпринял попытку "объективировать" мнение о Луцилии. Он предложил рассмотреть критику Горация "в свете самих фрагментов" Луцилия.¹ Н. Радд как бы проверяет текстом справедливость суждений Горация о Луцилии (и приходит к выводу, что все его оценки отражают определенные реальности в поэзии Луцилия) и в то же время аргументированно защищает его от обвинений в неумении и лености. Для этого ученый, объединив все относящиеся к творчеству Луцилия свидетельства в определенные тематические группы, последовательно раскрывает существо критических доводов Горация, иллюстрируя их фрагментами из сатир Луцилия, — и тем проверяет основательность этих доводов. Н. Радд,